

Судьба Российской духовной миссии в Китае

*Памяти Митрополита Виктора,
последнего начальника Миссии,
а также всех православных —
русских и китайцев,
лежащих в китайской земле*

Причины, побудившие меня написать эту статью, — чисто личного характера. Так случилось, что последние полтора года жизнь постоянно «вытаскивает» меня на тему Российской духовной миссии в Китае: это и встреча с Миссией в сентябре 1989 г., вернее, с территорией, на которой она располагалась (сейчас здесь посольство СССР в КНР), и знакомство в сентябре 1990 г. в Ленинградском Доме дружбы с автором изданной в США книги о Миссии В.П. Петровым¹, и научная сессия, на которой я прочла написанный совместно с моей матерью доклад о последнем начальнике Российской духовной миссии в Китае архиепископе Викторе. Возникшее у меня еще в 1989 г. в Китае недоумение по поводу официального мифотворчества, касающегося Миссии (см. об этом ниже), после участия в упомянутой выше сессии, сформулировалось в ряд вопросов: в чем причина этого мифотворчества, что случилось с Миссией в последние годы ее существования, почему эти годы упорно замалчиваются в советской (как светской, так и духовной) исторической науке, почему судьба архиепископа Виктора, последнего начальника Миссии, сумевшего сохранить все ее имущество и передавшего это имущество Московской Патриархии, оказалась столь трагична по возвращении его на Родину и т.п.

Ответить на многие из этих вопросов я так и не смогла. Тем не менее, считаю, что данная статья, основанная на воспоминаниях и на некоторых ранее неопубликованных материалах, которая ни в коем случае не претендуя на исчерпывающее освещение темы, все же может оказаться для исследователя тем недостающим звеном, позволит восстановить всю цепь событий сорокалетней давности. Но прежде чем перейти непосредственно к самой теме, следует пояснить, почему именно я взялась за нее.

Я родилась в Китае, в семье русских эмигрантов, вернувшихся в 1954 г. на Родину «на освоение целинных и залежных земель». Моя мать, Ольга Викторовна Кепинг, — родная сестра последнего начальника Российской духовной миссии в Китае архиепископа Виктора. По образованию я китаист (окончила восточный факультет Ленинградского Государственного университета), но профессионально никогда не занималась историей Миссии.

Все годы по возвращении из Китая я помнила Миссию — то место, где она находилась, Бэйгуань: на душе становилось тепло от воспоминаний об этом райском уголке земли, куда я приезжала на каникулы к своему дяде, где в зеленых южных парках (я всегда бывала там летом) стояли белокаменные русские церкви с крестами на маковках, а мы, дети, свободно бегавшие по огромным земельным угодьям Бэйгуаня, знали, что это — наша русская земля, а за высокими стенами Бэйгуаня была чужая страна, хотя мы все тут родились и выросли. А, как выяснилось позже, любили эту страну и, разбросанные в разные углы мира, скучали о ней и стремились сюда.

Окончив китайское отделение, я получила работу по специальности в Ленинграде. Конечно, все эти годы я мечтала о поездке в Китай не только по профессиональным интересам, но и потому, что Китай — моя родина, страна моего детства. Но первый удар я получила еще в студенческие годы. В 1957 г. меня в группе студентов Восточного факультета готовили к переводческой работе на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Но перед самым фестивалем неожиданно без объяснения причин отказали в работе на фестивале. Кто-то из друзей—студентов объяснил мне, что дело в том, что я родилась в Китае, мне не доверяют, и поэтому я не могу работать с иностранцами. Я была обескуражена, не понимая, в чем дело (прошло только три года со времени нашего приезда в СССР и я еще не разобралась во всех тонкостях советской жизни). Затем было долгое затишье — никто из нашего учреждения не ездил в Китай из-за сложностей в отношениях между нашими государствами. Но уже в 1980-е гг., когда я получила приглашение в Китай для участия в Международной конференции по сино-тибетским языкам и лингвистике, мне опять отказали и опять без

В парке Бэйгуаня. Июль 1949 г.

объяснения причин. И вот настала перестройка. Из нашего учреждения никто в Китай так и не ездил, а Москва посылала своих китаистов уже не по первому разу. Возмущенные таким положением, мы решили жаловаться и разослали целый ряд жалоб во всевозможные инстанции в Москве, в результате чего через Государственный комитет образования получили пять мест на стажировку в Китай. Одно из этих мест получила я.

Территория Российской Духовной Миссии в Китае. Фото 30-х годов XX в.

Будучи в Пекине на стажировке в Институте национальностей в течение полугода (с 17 сентября 1989 г. по 10 марта 1990 г.), я регулярно раз в месяц посещала советское посольство для получения зарплаты. Как уже было сказано выше (это широко известно за границей, и даже книга рекордов Гиннеса упоминает об этом), советское посольство находится на территории бывшей Российской духовной миссии. Я ведь знала здесь все углы — все было в детстве обегано, помнила, что где находилось, и что, например, так называемая красная фанза, где советское посольство устраивает приемы, — это частично бывшая домовая церковь в честь св. Иннокентия, а частично — бывшие покои начальника Миссии.

Потрясением была для меня официальная версия, распространенная среди сотрудников советского посольства, согласно которой земля, на которой находится посольство (т.е. территория бывшей Российской духовной миссии в Китае) была получена советским правительством от китайского во время расцвета советско-китайских отношений в 1950-е гг.

О моем родстве с последним начальником Миссии, конечно, знали мои сотрудники, вместе с которыми я приехала в Китай, а до того прора-

ботала в одном учреждении тридцать лет — все они с интересом слушали, как я им рассказывала, что где находилось во время существования Миссии. Говорила об этом я также и А. Г., сотруднику советского посольства, который занимался стажерами. Для него это было откровением, он тоже знал только официальную версию происхождения огромной территории посольства СССР, а я — поверила ведь перестройке! — пыталась достучаться до его сердца, рассказывая ему об истории Миссии, о тех трудных условиях, в которых последняя миссия сохранила имущество для России. Сказала ему и о тех 222 мучениках-китайцах, которые погибли за принадлежность к православной вере во время боксерского восстания и, конечно, об «алапаевцах» — членах семьи дома Романовых, когда-то лежавших в склепе на территории Миссии.

Однажды, показав на копающих землю на территории посольства китайцев (в это время посольство вело какие-то земляные работы), А.Г. спросил меня: «Могут ли китайцы выкопать что-нибудь ценное, известно, что у Миссии были большие богатства?». Я ответила, что богатство Миссии заключалось в ее недвижимом имуществе — землях и домах, и что действительно это было огромное имущество. Вот, например, была большая дача в Бэйдайхэ. Этим А.Г. очень заинтересовался, сказав, что каждый год посольство тратит большие деньги на то, чтобы снять для сотрудников дачи в Бэйдайхэ.

Кроме А.Г. ни с кем другим из сотрудников посольства я не была знакома. Ему же считала своим долгом рассказать о том, что здесь было на самом деле несколько десятилетий тому назад, пыталась убедить его в необходимости восстановления исторической правды о Миссии, в необходимости учреждения музея Миссии на территории посольства и установки хотя бы мемориальной доски в память тех, кто здесь лежит. Мне кажется,

что он сердцем принял все, что я ему говорила, и я не виню его в последующих событиях, которые, возможно, произошли из-за его рапортов начальству. Честно говоря, я хотела, чтобы люди, живущие на территории посольства, знали бы где они живут.

В Китае я занималась своей научной темой, а также преподавала русский в Институте национальностей, а позднее на Пекинском телевидении записала курс русского языка для начинающих, т.е. я была загружена до предела. Однако совершенно естественно, что я хотела побывать в тех местах, где жила в детстве. Таких мест немного — помимо Пекина, это Тяньцзинь, город, где я родилась, и ку-

*На пороге своего дома через 35 лет.
Фото 1989 г.*

рорт Бэйдайхэ на Желтом море. Кроме этого, моя мать очень просила меня в память дяди попытаться встретиться с албазинцами.

В Тяньцзин я ездила три раза, нашла дом, где мы жили. А вот с курортом Бэйдайхэ получилось как в дурном детективе.

Судя по надписям на сохранившихся фотографиях, мне было четыре года (1941г.), когда наша семья в последний раз была в Бэйдайхэ и жила на миссийской даче. Позже мы не могли туда ездить, так как русские во время японской оккупации были лишены свободы передвижения по стране. В памяти остались бескрайнее море, огромный сосновый парк, крутой откос, на котором стояла дача, часовня на полуостровке перед ней — и ощущение счастья, которое больше никогда не повторилось. Случай поехать в Бэйдайхэ представился очень скоро: мой коллега-китаец, академик Л. в сопровождении своего аспиранта ехал в Бэйдайхэ в санаторий. Уезжал он из Пекина в пятницу и я попросила его взять меня с собой на викенд. (Вообще обо всех своих передвижениях мы должны были ставить в известность советское посольство, но здесь речь шла только о двух днях, и я не сделала этого.) Был последний викенд октября. Я не помнила конкретного места, где находилась дача Миссии, единственная зацепка — надпись на фотографии 1939 г., сделанная моим отцом: «сарафанные чин-шан-цуйки». На фотографии — наша семья, и мы с сестрой, одетые в сарафаны. В рапорте архиепископа Виктора от 20 ноября 1949 г. (№ 266) указано, что дача Миссии в Бэйдайхэ стоит на участке, который называется «Уста Золотой горы». Таким образом, я пришла к выводу, что по-китайски местность называется «Цзинь шань цзуй» (в транскрипции моего отца — «чин шан цуй»).

В Бэйдайхэ я спросила у водителя такси, где находится местность Цзинь шань цзуй и в ответ услышала, что меня туда не пустят, так как там — дача Дэн Сяопина. Академик Л., очень испуганный тем, что я пойду разыскивать эту

*Православная часовня в Бэйдайхэ.
Фото 1924 г.*

Бэйдайхэ. 24 июля 1939 г.

местность, пытался полностью занять дни пребывания в Бэйдайхэ поездками в Шаньхайгуань и Цинвандао. Все же в день отъезда я пошла берегом в том направлении, которое показал таксист. За мной шел аспирант. Вскоре я увидела вывески, на которых упоминалось сочетание «цзинь шань цзуй». Первым я нашла полуостровок, на котором когда-то стояла часовня — все было снесено, но круг (часовня была круглой формы) в центре полуостровка до сих пор не зарос деревьями и было видно, что здесь когда-то был фундамент. Дачу я не увидела, так как она стоит на сплошь заросшем кустами откосе (снизу ничего не видно), а внезапно появившийся на откосе охранник (правда, без оружия) не разрешил мне подняться на откос. Пожалуй, действительно, это самое красивое по своему положению место в Бэйдайхэ.

Обрадованная тем, что я нашла миссийскую дачу, при первой же встрече с А.Г. в посольстве я ему рассказала о ней. Но в ответ было молчание и даже более того — почти до самого моего отъезда из Китая А.Г. вообще перестал со мной общаться.

Это все было в начале ноября, где-то числа до 10, а 25 ноября, т.е. через две недели после этого разговора, при странных обстоятельствах во время операции по поводу язвы желудка погибает муж моей сестры П.Т., единственный человек в нашей семье, кто знал в деталях все дела Миссии. Муж моей сестры, тоже из «китайских» эмигрантов, был переводчиком с японского и китайского языков. Его товарищ А.А., тоже из Китая и тоже переводчик, отвез его для обследования (речь шла только об обследовании!) в военный госпиталь в Архангельское под Москвой — «по знакомству» (считается, что в военных госпиталях врачи лучше, чем в обычных больницах). Накануне операции сын П.Т. взял слово с отца, что тот не согласится на операцию. Никто из членов семьи не давал согласия на операцию. И вдруг — П.Т. умирает во время операции, о которой не оповестили членов семьи². Друг П.Т., А.А., так рыдал на похоронах, что этим привлек внимание всех присутствующих. Через несколько месяцев он умер.

Получив в Китае известие о смерти мужа своей сестры, я не придавала этой смерти (профессиональный уровень врачей в СССР всем хорошо известен) того значения, которое придаю ей сейчас. Я вернулась домой из Китая — после смерти П.Т. никто не мог ответить мне на мои вопросы о Миссии.

Чтобы закончить тему моей стажировки в Китае, надо сказать, что, по-видимому, меня «вели» все время моего пребывания там. Теперь мне кажется странным, почему мне, не специалисту, предложили записать на Пекинском телевидении курс русского языка, причем первоначально речь шла о двух-трех неделях, а на деле это заняло, более двух месяцев (с начала января по 8 марта включительно), и работа шла с утра до позднего вечера. Не для того ли, чтобы у меня не было времени на поиски чего-то, связанного с Миссией? Да и целый день была под присмотром. Из-за уверений, что албазинцев больше нет, что они все погибли, я не стала более настой-

чиво и другими путями искать их и не выполнила просьбу моей матери. А то, что они живы, существуют, я узнала в последний момент на вокзале, уезжая из Пекина: незнакомый сотрудник посольства (в спешке отъезда я не запомнила его фамилии) принес мне письмо от моей матери (вся корреспонденция стажеров шла в посольство) и, сообщив, что занимается историей Миссии, стал задавать мне вопросы по ее истории, сокрушаясь, что только сейчас узнал обо мне. А на мой вопрос, существуют ли албазинцы, ответил утвердительно.

Дома в Ленинграде пошла обычная круговерть и Миссия отошла на задний план. В конце 1990 г. мне предложили сделать доклад о моем дяде Архиепископе Викторе на сессии, посвященной 275-летию Миссии. Сессия должна была проводиться совместно Ленинградским университетом и Ленинградской духовной академией. Я уговорила свою мать обнародовать ее воспоминания о Владыке Викторе, которые она писала с 1986 г., когда по болезни оказалась прикованной к постели. Так родился доклад «Последний начальник Российской духовной миссии в Китае — архиепископ Виктор: жизненный путь», весь материал которого подготовлен моей матерью, и только обработка моя.

Однако сразу же мне бросилась в глаза какая-то неестественность юбилейной даты — 275 лет: ведь сама Миссия считала годом своего основания 1685 г. и последний раз праздновала свой юбилей в 1935 г., т.е. по меньшей мере, эта дата не соответствовала исторически сложившейся традиции празднования юбилеев Миссии. Тем не менее, сам факт, что про Миссию наконец-то вспомнили, обрадовал нас.

Получив в день открытия (только в день открытия!) сессии ее программу, я была удивлена редакторской правкой названия нашего доклада: в программе доклад назывался «Последний начальник Российской духовной миссии в Пекине — архиепископ Виктор: жизненный путь». Тогда как я твердо знала, что архиепископ Виктор именовался начальником Российской духовной миссии в Китае, но не Пекине. Название Миссии подтверждается также и ее периодическим изданием — «Китайский Благовестник. Журнал Российской Духовной Миссии в Китае». Просмотр всей программы показал, что в других докладах, содержащих название Миссии, она везде называется «Российская духовная миссия в Пекине». Возможно, что здесь кроется разгадка организации юбилейной сессии в неурочное время — необходимость внедрить в научную литературу ее новое название, не соответствующее исторической правде.

Теперь непосредственно о самой сессии. Кроме нашего доклада, архиепископу Виктору был посвящен доклад академика С.Т. — «Последний начальник Российской духовной миссии в Пекине — Владыка Виктор: воспоминания генерального консула», который согласно программе должен был предшествовать нашему докладу. Перед началом заседания ко мне подошел преподаватель восточного факультета Н.С. и сказал, что академик С.Т. хочет меня видеть. С.Т. предложил мне первой зачитать свой док-

лад, мотивируя свое предложение тем, что его доклад охватывает только краткий период жизни архиепископа Виктора, тогда как наш посвящен всему жизненному пути Владыки. Я отказалась, сославшись на то, что мне неудобно согласно субординации выступать перед академиком. Причина предложения С.Т. стала мне понятна после того, как он в своем докладе, повторив уже известную мне еще в Китае версию о том, что советское посольство находится на земле, переданной в 1950-е гг. китайским правительством советскому, сказал, что Миссия не владела никакими землями, так как архиепископ Виктор все продал, чтобы (цитирую по своей записи, сделанной во время доклада С.Т.) «кормить себя и членов Миссии».

Утверждение о продаже земель Миссии архиепископом Виктором было для меня вторым потрясением после того, первого, в Китае. Этот миф совершенно не соответствует личности архиепископа Виктора, который никогда и ни при каких условиях для своих личных целей не продал бы и малости из имущества Миссии, не согласуется с тем, что мы помним, противоречит содержанию нашего доклада (конечно, это все можно рассматривать как эмоции близких людей, которыми можно пренебречь), но — и это более серьезно — не совпадает с содержанием рапортов архиепископа Виктора, направленных им в Московскую Патриархию во второй половине 1940-х гг. Во время доклада С.Т. я вдруг вспомнила, как моя мать постоянно говорила мне о том, что архиепископа Виктора оклеветали и оболгали — я не предавала этим словам раньше никакого значения; теперь же я стала понимать их.

Сбитая с толку, оскорбленная за своего дядю, да и не только за него — за всех нас, русских, поверивших в том, далеком 1945 г. и вернувшихся на Родину, я все же зачитала наш доклад так, как он был подготовлен, не изменив в нем ни слова: привела выдержку из рапорта архиепископа Виктора, в котором он умолял (именно умолял!) Патриархию прислать новую 21-ю миссию в Китай, просил помочь «в формальном закреплении за Миссией недвижимого имущества, на которое имеются документы», и в заключение перечислила всю собственность Миссии в Пекине, упомянув также то, что было в других городах (Тяньцзинь, Калгане, Циндао, Ханькоу, Бэйдайхэ, Шанхае и др.), а так же вне Китая — на Маниле, Гонконге и в Корее. После доклада я подошла к С.Т. и сказала, что моя мать просила меня прочитать этот доклад, так как она, по ее словам, не может умереть, не сказав правды о своем брате. Светский по форме разговор (он длился минут 15, пока мы шли от здания Духовной академии до могилы отца Иакинфа) раскрыл мне глаза. Во-первых, я поняла, что совершила в Китае что-то непростительное: «Вы ведь не собираетесь больше в Китай» — было мне сказано, хотя по роду работы поездки в Китай мне необходимы. Во-вторых, что существует какая-то связь между смертью архиепископа Виктора (август 1966 г., г. Краснодар) и смертью епископа Иоанна, бывшего епископа Шанхайского (июль 1966 г., США). В-третьих, что смерть мужа

моей сестры П.Т. не была случайной. С.Т. сам спросил меня о моей сестре. Зная, что он был знаком с П.Т. еще с сороковых годов, когда П.Т. работал переводчиком в советских войсках в Маньчжурии, я сказала о его смерти. На мое удивление С.Т. отказался от знакомства с ним. Это так поразило меня, что я стала лепетать что-то вроде «ну как же, он работал там-то и там-то», но холод незнакомства был в его глазах и стало страшно от его слов «рано ушел, рано ушел».

Только после этих слов пришло полное осознание происшедшего: ужас, страх, разрывающая сердце жалость к бедному любимому Дядельке (так мы в семье называли архиепископа Виктора), чувство вины из-за смерти П.Т.

С тех пор прошло почти два месяца. Днем и ночью я прокручивала в памяти жизнь в Китае (просторы Миссии, ее церкви и священники — русские и китайцы) и, сопоставляя это с событиями последних полутора лет, понимаю: жить, осознав происшедшее, невозможно. Мой долг перед памятью архиепископа Виктора, перед памятью всех русских и китайцев, похороненных в Миссии в далеком Китае, попытаться восстановить события тех лет.

1. Российская духовная миссия в Китае после 1917 года

Российская духовная миссия в Китае, просуществовавшая почти триста лет — свое начало она ведет с 1685 г., когда священник о. Максим Леонтьев с группой албазинцев прибыл в Пекин и получил от императора Канси в северо-западном углу Пекина участок земли, так называемое северное подворье (Бэйгуань), и вплоть до 1955 г., когда она была согласно предписанию Московской Патриархии от 11 марта упразднена и все имущество Миссии, где бы оно ни находилось в Китае согласно этому же предписанию, было передано посольству СССР в Китае, — сыграла большую роль в истории русско-китайских отношениях. Хорошо известен также тот факт, что именно здесь было положено начало русскому китаеведению, давшему науке таких всемирно известных синологов как отец Иакинф (Бичурин) и архимандрит Палладий (Кафаров).

Двести пятьдесят лет существования Миссии в Китае достаточно описаны как в русской, так и зарубежной литературе, однако, что касается последних двадцати лет ее жизни, то они практически неизвестны исследователям. Совершенно неясно, что же случилось с Миссией и какова была ее судьба.

И мне понятно удивление В.П. Петрова, начинающего свою книгу следующими словами: «Как-то странно, что в русской исторической литературе последнего времени очень мало внимания уделялось Российской Духовной Миссии в Китае, истории ее возникновения и деятельности на протяжении более двухсот пятидесяти лет, также, как и ее судьбе»³.

Архиепископ Виктор по традиции выделял пять периодов в истории Миссии: 1) с 1685 г. по 1728 г., когда Миссия была официально признана

китайским государством; 2) с 1728 г. по 1861 г. — период установления научной и дипломатической деятельности Миссии; 3) с 1861 г., со времени освобождения Миссии от всякого участия в политических делах (в этом году в Китай был назначен постоянный дипломатический представитель России с резиденцией в Пекине) и до полного разрушения во время боксерского восстания в 1900 г.; 4) с 1902 г. по 1917 г., когда Миссия, оправившись после сокрушительного удара, нанесенного ей боксерским восстанием, обновленная и расширенная, вступила в «период своей деятельности, полный светлых надежд и могучих творческих порывов»; 5) после 1917 г. и до 1935 г. (времени написания цитируемой статьи)⁴.

По-видимому, последний период можно продлить до 1944 г., когда архиепископ Виктор обратился к Московской Патриархии с просьбой принять его в каноническое общение и, кроме того, выделить еще один период в истории Миссии — шестой и последний — с 1946 г., со времени принятия Миссии в каноническое общение с Патриархией, вплоть до 1955 г. — времени ликвидации Миссии.

1917 г. Российская духовная миссия в Китае стараниями ее начальника архиепископа Иннокентия (Фигуровского) встретила не только полностью восстановив все разрушения в Бэйгуане, но и сильно расширив его: появился новый участок земли, на котором располагался дворец, сохранившийся до настоящего времени и именуемый сотрудниками советского посольства «красная фанза». О происхождении этого новоприобретенного участка существуют две версии. Согласно одной — этот участок был подарен китайским правительством в благодарность за то, что архимандрит Иннокентий, живший после снятия осады посольского квартала, где он укрывался во время боксерского восстания в одном из дворцов ламаистского храма Юн-хэ-гун (этот храм расположен неподалеку от Миссии), спас его от разрушения. Один из немецких отрядов экспедиционных войск подошел к Юн-хэ-гуну с намерением разграбить его, однако архимандрит Иннокентий вышел к воротам (он был высокого роста и могучего телосложения) и заявил, что он здесь живет и не допустит расхищения храма⁵. Согласно второй версии Миссия купила этот участок, и таким образом Бэйгуань расширился до его теперешних размеров. Одно здание было обращено в церковь во имя Св. Иннокентия, а при ней устроены покои начальника Миссии, причем Бэйгуань был обнесен каменной стеной⁶.

Вот, что сказано об имуществе Миссии в 1917 г. в небольшой брошюре в 15 страниц, в которой на китайском, русском и английском языках кратко описана ее история: «К 1917 г. Миссия имела: 2 монастыря (мужской и женский), Крестовоздвиженский скит близ Пекина, 5 подворий (в Петербурге, Москве, Маньчжурии, Харбине и Дайрене), девятнадцать церквей, 3 часовни, 5 кладбищ, 32 миссионерских стана, одну семинарию и 21 школу, одну богадельню, большую библиотеку, метеорологическую станцию, живописную мастерскую, и много хозяйственных и промышленных предприятий: типографию, литографию, гальва-

нопластическую мастерскую, словолитню, переплетную, паровую мельницу о 8 поставах, механическую мастерскую, литейную, заводы — свечной, мыловаренный, кирпичный, ткацкую и чулочную мастерские, промышленное бюро, пасеку, молочную ферму и т.д., землю и дома во многих местах Китая и России»⁷.

Архиепископ Иннокентий стремился сделать Миссию независимой в материальном отношении, и именно с этой целью им были открыты перечисленные выше промышленные предприятия, приносявшие большой доход. Этот доход, а также все поступления от подворий в Петербурге и все средства, отпускаемые на личное содержание членов Миссии, живших весьма скромно, шли на развитие миссионерского дела⁸. Капитал Миссии к этому времени составлял около миллиона золотых рублей, но он весь был помещен в русских военных займах (таков был вклад Миссии в войну 1914 года).

Революция в России изменила положение Миссии. Она «лишилась притока средств из России и, предоставленная сама себе, пережила тяжелейший финансовый кризис, вызвавший необходимость полной реорганизации ее хозяйства и перевода ее на начала самокупаемости»⁹.

Пришлось закрыть множество предприятий, так как, лишенные оборотного капитала с падением курса золотого рубля, они не смогли конкурировать с другими, и Миссия смогла выйти из тяжелого кризиса, только продав свое имущество в Дайрене.

Ситуация усложнилась еще более, когда после гражданской войны в Китай хлынули тысячи и тысячи русских беженцев (по данным некоторых исследователей в 1920-е гг. в Харбине оказались около 200 тысяч русских беженцев, многие из которых позднее перебрались в другие города Китая). И здесь Миссия сыграла огромную роль в деле помощи беженцам в обустройстве их жизни в чужой стране, стране с чуждой культурой и неизвестным языком. Миссия давала кров и хлеб и вела широкую церковно-организационную работу среди эмиграции, открывая церкви, приходы, школы, больницы, приюты. Но на все это нужны были средства.

После революции Миссия перешла в подчинение организованного в Югославии Архиерейского Синода, возглавляемого митрополитом Антонием (Храповицким).

Когда в 1924 г. был заключен договор между СССР и Китаем, представители Советского Союза сделали попытку захватить имущество Миссии, но архиепископ Иннокентий доказал, что имущество Миссии не является собственностью Российского государства, а принадлежит исключительно Российской духовной миссии как юридическому лицу¹⁰.

Несмотря на материальные трудности, испытываемые в 1920-е гг., как в связи с утратой денежных поступлений из России, так и с наплывом русских беженцев, архиепископ Иннокентий продолжал открывать церкви и приходы в различных городах Китая. В 1922 г. в Тяньзине при часовне на братской могиле русских воинов погибших во время боксерского восста-

ния, был открыт храм, который позднее был перестроен в большой храм Покрова Пресвятой Богородицы (разрушен японцами во время оккупации). При Храме создано Православное братство, в ведении которого состояли школа, больница, дом милосердия с домовою церковью во имя св. Серафима Саровского, библиотека, кладбище с часовней. В 1930 г. в Тяньцзине была открыта церковь во имя св. Иннокентия и школа при ней. В Чаньчуне в 1923 г. открыт приход, с церковью и школой. В 1924 г. открыты приходы в Мукдене и Дайрене при часовнях на кладбищах русских воинов, погибших в войну 1904-1905 гг. В 1925 г. открыт приход в Циндао, а в 1927 г. здесь открыт каменный храм. В Хайларе в 1927 г. открыт храм. В Шанхае в 1928 г. открыты Св. Гавриило-Архангельское подворье с церковью и пять молитвенных домов, а в 1932 г. (уже при епископе Симоне) построен большой трехэтажный архиерейский дом. В 1927 г. в Шанхае был восстановлен основной храм — во имя Богоявления Господня, освященный еще в 1904 г. (разрушен в 1932 г.).

Это лишь краткое перечисление всего того, что было сделано архиепископом Иннокентием в последнее десятилетие его жизни. Владыка Иннокентий умер в 1931 г. в сане митрополита, войдя в историю Миссии как ее восстановитель после боксерского восстания и строитель, как человек, прошедший огромную организационную работу среди эмиграции. При нем был завершен перевод богослужебных книг на китайский язык. Он также известен как составитель большого китайско-русского словаря. Многогранная фигура митрополита Иннокентия безусловно заслуживает специального изучения.

После смерти Владыки Иннокентия начальником Миссии стал епископ Симон (Виноградов), член Миссии с 1902 г., прошедший на посту ее начальника всего один год и восемь месяцев. При нем финансовые дела, связанные с коммерческими предприятиями, были приведены в порядок. Именно он начал постройку в Шанхае большого собора Богородицы Споручницы грешников вместимостью до 2500 человек (этот собор как будто бы сохранился до сих пор), и, как уже было сказано выше, с именем епископа Симона связано начало постройки архиерейского дома в Шанхае.

2. Последний начальник Российской духовной миссии в Китае — архиепископ Виктор

После смерти архиепископа Симона в 1933 г. главой Миссии, двадцатым и последним по счету, становится епископ Виктор (Святин). В отличие от всех своих предшественников он, выброшенный революцией в Китай, был пострижен в монахи в 1921 г. здесь же, в Пекине, в Успенском монастыре и позднее (в 1932 г.) хиротонисан в епископа Шанхайского Архиерейским Синодом в Югославии, в подчинении которого в это время находилась Миссия. «С его вступлением на пост Начальника Миссии продолжалась громадная организационная работа, фундамент для которой был

Отец Виктор. Конец 20-х годов XX в.

подготовлен трудами еще блаженной памяти Святителей – Митрополита Иннокентия и Архиепископа Симона. Для эмиграции Епископ Виктор был близким и своим, и она всецело шла ему навстречу всем его начинаниям, что сделало возможным быстрое и широкое развитие церковно-общественного строительства на всем огромном пространстве Дальнего Востока»¹¹.

К моменту вступления епископа Виктора ни пост начальника Миссии в связи с улучшением материального положения эмиграции стабилизировались и финансовые дела Миссии.

В 1935 г. Российская духовная миссия в Китае празднует свое 250-летие. Был организован особый юбилейный комитет под почет-

ным председательством епископа Виктора и под председательством главы дальневосточной эмиграции Д.Л. Хорвата. Торжества начались с вечера 21 июня служением в храме Всех Святых Мучеников, построенным на фундаменте разрушенной во время боксерского восстания Св. Николаевской церкви. Храм посвящен памяти 222 православных китайцев, погребенных в общей братской могиле под храмом. Церковные торжества длились три дня. К юбилею были сооружены три памятника на тех местах, где были убиты православные китайцы.

Однако передышка была короткой. В 1939 г. северный Китай оккупировается Японией (Маньчжурия уже несколько лет была под японцами). Для русских начался новый, трудный период жизни в чужой стране под гнетом третьей страны, считавшей Россию врагом. Еще более осложнилась ситуация, когда фашистская Германия напала на СССР. Сведения о военных событиях просачивались туго: японцы конфисковали все радиоприемники. Большая часть русских в Китае, как и в других странах русского рассеяния, была охвачена патриотическим подъемом — ведь многие участвовали в сражениях первой мировой войны. Утратившая во время войны связь с Архиерейским Синодом в Югославии русская церковь в Китае искала пути установления связей с Московской Патриархией.

Архиепископ Виктор послал в Японию к митрополиту Сергию Японскому одного из своих протоиереев, поручив ему связать Миссию с Московской Патриархией. Но митрополит Сергей не смог помочь и дал совет терпеть до лучших времен¹².

В конце 1944 г. архиепископ Виктор поручил Б.К., мужу своей сестры (т.е. моему отцу) передать в советское представительство в Пекине его рапорт в Московскую Патриархию с просьбой о воссоединении с Патриаршей Церковью¹³. Следует особо подчеркнуть тот факт, что это происходило еще во время японской оккупации, и было еще далеко до принятия Президиумом Верховного Совета СССР в 1945 г. указа об амнистии и предоставлении бывшим гражданам Российской империи права на получение советского гражданства.

Однако ответа из Москвы не было. Архиепископ Виктор шлет нарочного в Шанхай к епископу Иоанну, чтобы спросить его согласия на воссоединение с Патриаршей Церковью. Хотя по железным дорогам и водным путям между Пекином и Шанхаем шли ожесточенные бои, все же ответ от епископа Иоанна пришел — он писал, что разделяет решение архиепископа Виктора.

Тогда архиепископ Виктор снова посылает от себя и от епископа Иоанна в Патриархию в Москву просьбу о принятии их в каноническое общение. Ответ пришел в апреле 1946 года: *«ВТОРИЧНО с любовью сообщаем Вам о принятии Вас и преосвященного Иоанна Шанхайского в молитвенное каноническое общение с нами. Российская Духовная Миссия в Китае, возглавляемая Вашим преосвященством, как ранее будет состоять в непосредственном ведении Патриарха Московского. Прошу прислать сведения и отчет за последний год. Шлю благословение Господне и сердечный привет Вам и епископу Иоанну. Патриарх Алексий. Г. Москва, 6/19 апреля 1946 г.»*

Телеграмму патриарха Алексия я цитирую по письму митрополита Виктора, адресованному Никодиму, митрополиту Минскому и Белорусскому, в то время председателю Отдела внешних церковных сношений (см. Часть III). Следует отметить, что в этом письме митрополитом Виктором в тексте цитируемой им телеграммы выделено слово «ВТОРИЧНО» — думаю, что это неслучайно. В тексте этой же телеграммы, напечатанной в журнале «Китайский благовестник» в 1946 г., т.е. сразу же после получения телеграммы, такого выделения нет¹⁴. Значит, это слово было выделено самим митрополитом Виктором уже в 1963 г., когда он понял, что Миссия не получила первой телеграммы от патриарха Алексия, посланной в ответ на тот рапорт, который был передан в советское представительство в Пекине в 1944 г.

Епископ Иоанн Шанхайский, первоначально изъявивший желание перейти под юрисдикцию патриарха Московского и еще в январе 1946 г. присутствовавший на приеме в Генеральном консульстве СССР в Шанхае¹⁵, уже в мае 1946 г. изменил свое решение. Вот что пишет митрополит Виктор в письме на имя митрополита Никодима: «В мае 1946 г. Епископ Иоанн, находившийся под сильным влиянием Митрополита Анастасия¹⁶, отошел от избранного им верного пути, впал в раскол. Началась смута».

Прочитирую воспоминания члена приходского совета шанхайского собора Богородицы Сподручницы грешников В.М. Наумова, связанного долгие годы дружескими узами с епископом Иоанном: «Архиепископ Виктор, глава русской миссии в Китае, явно переходил на сторону советчиков. Было ли это вызвано его боязнью всяческих депрессий [так в тексте — К.К.], так как в прошлом он был белый офицер, а во время войны не раз писал против коммунистов в печати, трудно сказать, какие мотивы руководили им, но во всяком случае он сыграл нехорошую роль в деле сохранения наших православных церквей. Он прибыл из Пекина в Шанхай и поселился в Архиерейском доме, около него все время крутились советские агенты. Это было очень тяжелое время для нашего Владыки Иоанна, до конца остававшимся верным Зарубежной Православной Церкви. Но у Владыки не было никаких сведений, где находится глава Зарубежной Церкви, Митрополит Анастасий. Все это произошло сразу же после окончания войны... В это время Архиепископа Виктора уже не было в Шанхае: у него вышли неприятности с китайскими властями, он даже был на несколько дней арестован, и таким образом мы освободились от его присутствия в Архиерейском доме... Мы за это время получили точный адрес Зарубежного Синода и собрались в помещении Русского Банка ночью, стали составлять письмо Митрополиту Анастасию. Ведь за время войны мы были совершенно оторваны от Запада и не имели никакой связи с Синодом. В письме этом мы просили об отделении Шанхайской епархии от Пекинской миссии, обрисовывали позицию Арх. Виктора и просили назначить Владыку Иоанна правящим архиереем отдельной шанхайской епархии. Письмо было отправлено немедленно, и мы очень быстро получили ответ от Его Высокопреосвященства Владыки Митрополита Анастасия, утверждающий нашу просьбу»¹⁷.

Китайские гоминьдановские власти поддержали епископа Иоанна, объявив его начальником Российской духовной миссии в Китае, а архиепископ Виктор был ими арестован и обвинен в сотрудничестве с японцами. Ему было предъявлено двадцать пунктов обвинения. Его сестра вспоминает, как все русские общественные организации в Тяньцзине (Православное Братство, все церкви, школа, больница, дом милосердия имени св. Серафима Саровского, ясли и т.д.) писали официальные бумаги, удостоверяющие, что Владыка Виктор всегда занимался только церковной и благотворительной деятельностью. На все двадцать пунктов обвинения эти организации ответили «нет».

Архиепископа Виктора продержали в тюрьме пять дней — с 19 по 24 октября 1946 г. Арест начальника — беспрецедентный случай за всю историю Миссии — потряс русскую колонию в Шанхае. В газетах помещались письма-протесты православных христиан, даже представители других национальных общин (еврейской, армянской, грузинской) публиковали письма в поддержку главы Православной Миссии. Ежедневно до освобождения Владыки люди тысячами собирались в храмы на молебны о его

здравии¹⁸. Архиепископ Виктор был освобожден из заключения только после вмешательства представителей консульства СССР в Шанхае.

Причина ареста — огромное недвижимое имущество Миссии, не имеющее в то время никакой государственной защиты.

Получив миссию из рук митрополита Иннокентия, любимым учеником которого он был, и архиепископа Симона, Владыка Виктор посвятил себя делу Миссии, ценность которой для русской православной церкви и России он хорошо понимал¹⁹. В тяжелых, подчас опасных для жизни условиях он не только сохранил все имущество Миссии, но даже и увеличил его. Вот, что он сам пишет об этом:

«За последние десятилетия государственные власти в Китае менялись, как в калейдоскопе. У всех тянулись руки к захвату имущества, не имеющего государственной защиты. Приходится удивляться, как это удалось не только сохранить то, что имелось, но даже и приумножить миссийское имущество. И вот, теперь когда «настало время благоприятное и день спасения», когда к власти дома на Родине и здесь в Китае пришла народная демократия, все это ценнейшее имущество, как «заколдованный клад» находится в непризорности и бездействии «под семью замками и печатями». Я не министр финансовых предприятий, каким был восстановитель Миссии после боксерского восстания Великий Святитель Митрополит Иннокентий, и не святой Божий человек-аскет и молитвенник, каким был Владыка Архиепископ Симон, которому благодатно давалось без всяких усилий всякое знание, я простой смертный и грешный человек. Мне пришлось наблюдать и переживать начавшийся еще при Митрополите Иннокентии распад Миссии, душа болела за разрушенные и оскверненные храмы в Калгане, Тяньцзине, в деревне Дун-диннань, в Чапее, в Шанхае и на Маниле, пришлось видеть крайнюю нищету русских людей и насельников Миссии-китайцев, которые стали мне дороги может быть потому, что о них и от них мне пришлось многое перетерпеть, и от них же иметь внимание, заботу и защиту. Я люблю миссию, знаю ее ценность для Св. Православной Русской Церкви и Родины и горячо верю в ее светлое будущее.»²⁰

А в это время зарубежная эмигрантская печать писала о том, что после негласного соглашения в 1942 г. между Сталиным и патриархом государство не только перестало притеснять церковь в СССР, но помогало ей встать на ноги²¹. Поэтому совершенно понятно, что только Русская Православная Церковь могла, по мнению архиепископа Виктора, спасти Миссию в то беспокойное время — в Китае шла гражданская война. Остро чувствуя ситуацию в Китае, но совершенно не представляя себе после многих лет эмиграции ее в России, он писал патриарху Алексию: «Протяните ей [Миссии — К.К.] в наступающий двенадцатый час спасительную отеческую руку»²².

Следует отметить, что даже сторонники епископа Иоанна, которых вряд ли можно заподозрить в симпатии к архиепископу Виктору, не могли

поставить ему в вину какие-то меркантильные соображения (вспомним слова, прозвучавшие на научной сессии в 1991 г. — «продавал земли, чтобы кормить себя и членов Миссии»). Они, как видно из процитированного выше текста из книги В.М. Наумова, объясняли его переход под юрисдикцию патриарха Московского страхом перед возможными репрессиями за то, что он был белым офицером (если так, то в этом случае он бесстрашно шел им навстречу).

Что же касается личного вклада архиепископа Виктора в дело Российской духовной миссии в Китае, то здесь я могу привести цитату из «Китайского благовестника»: «За время управления Миссией Архиепископом Виктором открыты приходы, церкви и молитвенные дома: в Пекине, Калгане, Чифу, в Гирине, на Дамбе, в Гонконге, Кантоне, Макао, построены храм и дом для священника на Маниле, женский монастырь и храм при нем в Какакаши около Дайрена, Св. Пантелеймоновская санатория с храмом в горах Лаошань, перестроен капитально городской храм и выстроен дом для священника в Циндад, построен большой дом на церковном миссийском участке в Хайларе, построен Св. Покровский собор и открыт Св. Николаевский храм в Тяньцзине, закончена постройкой и освящена Св. Благовещенская церковь на миссийском подворье в Харбине, не так давно открыт молитвенный дом на Вэйсайде в Шанхае, земля под собором и архиерейским домом и столовой для немущих записана в лице Начальника и других членов на Миссию, все имущество Православного Братства в Шанхае передано в полную собственность российской Духовной Миссии в Китае»²³.

Во второй половине сороковых годов архиепископ Виктор пишет целый ряд рапортов патриарху Алексию, в которых он, описывая имущество Миссии — одно его перечисление занимает несколько страниц — указывает, что на все имущество имеются необходимые документы, просит, умоляет патриарха прислать в Китай новую 21-ю миссию. В этих рапортах приводится подробно разработанная программа действий для новой миссии. Но Москва 21-ю миссию все не посылала и, как мы знаем теперь, так и не прислала.

По-видимому, судьба Российской духовной миссии была определена исходом гражданской войны в Китае, а до октября 1949 г. (времени образования КНР) еще была надежда на то, что в Китай может быть послана новая миссия. Такой вывод я делаю на основании следующего.

В 1949 г., по-видимому, весной или летом, Московская Патриархия направляет в Пекин в Миссию телеграмму о скором прибытии делегации Патриархии, *«но идет и идет быстротекущее время, а долгожданных Высоких Гостей все нет и нет... Наступила осень...»*²⁴ Таким образом, Московской Патриархией было принято решение о посылке в Китай делегации, но это решение так и не было в 1949 г. выполнено. Причина невыполнения решения, на мой взгляд следующая: в начале 1949 г. пало гоминьдановское правительство, епископ Иоанн вынужден был спешно эвакуироваться из

Китай, и у советских представителей в Китае были развязаны руки (это очень хорошо видно в 1955 г., когда делегация Патриархии все же наконец-то прибыла в Пекин). Интересно отметить тот факт, что эти представители в течение длительного времени и не заглядывали в Миссию: *«Русские люди высокой культуры и знаний [имеются в виду посол СССР в КНР Н.В. Рошин и советник посольства СССР С.Л. Тихвинский — К.К.] приехали в Пекин помогать Китаю, и ни один человек не заглянул к нам»*²⁵.

Неопределенность, беспокойство о будущем, безденежье и вместе с тем желание отдать все свои силы для того, чтобы *«Миссия могла быть и должна быть полезной Св. Православной Церкви и Отечеству»*²⁶ — чувства, переполнявшие автора рапорта. По-видимому, и разговор с советскими представителями, которыми «был милостиво» принят архиепископ Виктор, был безрадостным:

*«Ваше Святейшество, великодушно простите меня за не совсем установленный рапорт. Я, недостойнейший, пишу его под свежим впечатлением своей беседы с нашими Высокими Государственными Властями [Н.В. Рошиным и С.Л. Тихвинским — К.К.]. Может быть, я сам во многом виноват. Внутренне плохо устроенный, я свое дело привел к упадку. Но, откровенно говоря, не знаю, кто и что хорошего и творческого мог бы совершить в Миссии при наличии страшных и всеразрушающих стихийных сил, обрушившихся на Миссию в последние три десятилетия»*²⁷.

В 1950 г. архиепископ Виктор в сопровождении протоиерея Федора Ду (албазинца) был приглашен патриархом Алексием в Москву для участия в июле 1950 г. в торжествах в Троицкой лавре. Это была первая поездка архиепископа Виктора на Родину после тридцатилетней эмиграции.

19 июля 1950 г. на заседании очередной сессии Св. Синода, в которой архиепископ Виктор участвовал как полноправный его член, он сделал доклад о Российской духовной миссии в Китае. В тот же день он был принят председателем Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР Г.Г. Карповым. Во время этого визита мы, как пишет Архиепископ Виктор, *«убедились что Георгий Григорьевич в курсе всех наших миссийских нужд и дел, и что ему хорошо ведомы все возможности к улучшению нашего быта и бытия. С чувством глубокой благодарности за внимание и заботу о Миссии и за любезный прием мы оставили гостеприимный дом»*²⁸.

Во время этой поездки протоиерей Феодор был пострижен в иноки и хиротонисан в епископа с именем Симеон. Это было постановление первого православного епископа китайской национальности: *«Этот благодатный исторический акт в истории Православной церкви определил и даровал новое направление жизни нашей многосотлетней Российской Духовной миссии в Китае. Вопрос разрешился в плане событий текущего момента: самоопределения и суверенитета народов и автокефалий Народных Церквей. Теперь наша Миссия поставлена на подготовительные пути организации самостоятельной Китайской Православной Церкви»*²⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что во время поездки архиепископа Виктора в СССР в 1950 г. ему ничего не было сказано о возможном упразднении Миссии в Китае — наоборот, обсуждался вопрос об улучшении жизни Миссии, а хиротония китайского епископа — первый шаг подготовительной организации самостоятельной китайской православной церкви — рассматривалась в качестве «нового направления жизни нашей многосотлетней Российской Духовной Миссии в Китае»³⁰.

На организацию автокефальной китайской церкви Патриархия отвела десять лет — с 1951 г. по 1960 г. — об этом свидетельствует рапорт архиепископа Виктора патриарху Алексию за № 31 от 9 февраля 1952 г. Текст этого рапорта, а также его дата, указывают на то, что вопрос об организации китайской автокефальной церкви обсуждался во время пребывания архиепископа Виктора в Москве в 1950 г.: «Ваш указ об организации Национальной Китайской Православной церкви будет к сроку выполнен»³¹. Однако мне трудно сказать, был ли специальный указ патриарха на эту тему или же речь идет об указе патриарха Алексия от 22 августа 1950 г. за № 1170, где только в седьмом пункте мельком упоминается сочетание «Китайская Православная Церковь»³².

Формулировка повестки дня заседания Священного Синода от 17 августа 1950 г. подтверждает высказанное мной выше предположение, что судьба Миссии была решена победой коммунистического строя в Китае:

«Слушали:

Доклад Начальника Русской Духовной Миссии в Пекине Высокопреосвященнейшего Виктора, Архиепископа Пекинского и Китайского о положении в Миссии и предстоящей реорганизации миссионерской работы в связи с утвердившимся новым демократическим строем в Китайской Народной Республике [подчеркнуто мной — К.К.]»³³.

Следует отметить, что в указе от 22 августа 1950 г. № 1170 Миссия впервые за всю историю ее существования называется не «Российской», а «Русской» и так во всех четырех случаях ее упоминания в указе. Именно в этом указе Миссия в первый раз называется «Русской Духовной Миссией в Пекине» (не в Китае!), хотя в этом же указе говорится о «Начальнике Русской духовной Миссии в Китайской Народной Республике» (пункт 2), а адресат указа именуется «Начальником Русской Духовной Миссии в Китае». Чем объяснить такой разницей в тексте официального документа — не знаю.

Согласно этому же указу за № 1170 резиденции и делопроизводство русских церковных организаций в Китае объединялись в один Восточно-Азиатский экзархат, во главе которого был поставлен архиепископ Виктор.

Содержание рапорта за № 31 от 3 февраля 1952 г. показывает что архиепископ Виктор на момент составления рапорта был уверен (его уверили в Москве?) в том, что подчиненные Московской Патриархии русские церковные организации будут сохранены в Китае: «Мы должны поставить Патриарший Экзархат в Восточной Азии на прочное экономическое основание»³⁴.

Архиепископом Виктором был разработан и представлен в Патриархию проект Положения о Восточно-Азиатском экзархате Московской патриархии и Российской духовной миссии Китае («Прошу распоряжения Вашего Святейшества внести нужные исправления в представленный мной проект и прислать Положение [подчеркнуто мной — К.К.] к нашему неуклонному руководству и исполнению»³⁵).

По-видимому, Патриархия обещала прислать «Положение» — в указе архиепископа Виктора под № 4 от 15 декабря 1950 г. (т.е. вскоре после возвращения из Москвы) говорится: «Впредь до получения от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Положения о Восточно-Азиатском Экзархате Московской Патриархии и Российской Духовной Миссии в Китайской Народной Республике [подчеркнуто мной — К.К.] мною учреждается при Экзархате Временное управление»³⁶.

Однако прошел весь 1951 год, начался 1952 год, но «Положения» так и не было, и архиепископ Виктор неоднократно напоминает о нем: «Сама жизнь настойчиво говорит, что для того, чтобы свести на нет все шероховатости и ненормальности в деле управления Экзархатом, нужно иметь Положение об Экзархате и Миссии, которое укажет каждому его место и дело»³⁷. Далее в том же рапорте при перечислении того, что должно быть сделано конкретно по епархиям в Китае, еще и еще раз говорится о Положении: «Определить место и дело правящего епископа Шанхайской епархии согласно Положению об Экзархате и Миссии»³⁸ и «для пользы дела Харбинской епархии требуется а) Положение об Экзархате и Миссии»³⁹.

Совершенно очевидно, что архиепископ Виктор не был уверен в успехе плана Патриархии по организации автокефальной китайской церкви в течение десяти лет. Почти половина рапорта за № 31 посвящена экскурсу в историю религиозной и философской мысли Китая и попытке «в исторической и психологической перспективе осветить те возможности, которые Православие имеет в Китае для своего существования и развития в данной обстановке»⁴⁰.

Вывод — теоретически Православная церковь в Китае имеет все данные для перехода к автокефалии, однако практически это маловероятно. В рапорте приводится целый ряд трудностей на этом пути: малочисленность православных китайцев, отсутствие богословски образованных епископов и клира китайской национальности, обладающих высоким чувством долга и глубоким сознанием огромной моральной ответственности перед Церковью, недостаток богословской литературы на китайском языке, отсутствие переводчиков и т.д.

Однако самое главное препятствие на пути создания китайской автокефальной церкви архиепископ Виктор видел в отсутствии надлежащего экономического базиса. (Напомню, что в рапорте за № 266 от 20 ноября 1949 г. архиепископ Виктор просил Патриархию похотатайствовать «перед Министерством иностранных дел Советского Союза о формальном закреплении за ней недвижимого имущества, на которое имеются соответству-

ющие документы», и «оказать денежную помощь со стороны Патриархии на содержание штатов новой 21-ой Российской Духовной Миссии в Китае, как это всегда бывало в прошлые века» <...> «Уверен, что через пять лет, а может быть и раньше, как только будет правильно поставлено хозяйство Миссии, этой помощи не потребуются»⁴¹.)

Сами китайцы тоже, по-видимому, не стремились к автокефалии, что видно из следующих слов рапорта за № 31: «То, что в Москве казалось легким, понятным и без особого труда исполнимым, здесь в Китае осложнилось. Даже великую и столь жизненно необходимую идею создания Автокефальной Православной Церкви пришлось с большой настойчивостью и усилием распространять и укреплять среди пастырей и паствы»⁴².

После тридцатилетнего пребывания в Китае хорошо понимая все сложности жизни для православных китайцев (он попал в Пекин через двадцать лет после боксерского восстания, когда свежи были раны Миссии), Владыка Виктор беспокоится о судьбе албазинцев: «Никак нельзя спешить оставлять епископат, клир и паству китайской национальности без непосредственного руководства представительством Русской Православной Церкви до срока, когда епископат, клир и паства будут соответствовать своему назначению. Это было бы равносильно передаче своему добродруму, но еще слабому и неподготовленному союзнику своих ключевых позиций и важнейших крепостей в угрожаемое войной время»⁴³.

Тем не менее, архиепископ Виктор стремится сделать все возможное в направлении, указанном Патриархией: им рукоположен в различные церковные саны целый ряд священников китайской национальности, произведен ряд административных преобразований⁴⁴.

В конце 1940-х гг. русских в Китае осталось уже не так много — репатриации в СССР и отъезд в Австралию и Америку значительно уменьшили их количество. В 1954 г. в пасхальную ночь с амвонов всех русских церквей в Китае была объявлена радостная (воспринимающаяся как счастье — я это хорошо помню) весть о том, что рус-

Владыка Виктор и албазинцы на территории Бэйгуаня.

ским разрешено вернуться на Родину «на овоение целинных и залежных земель».

В 1954 г. архиепископ Виктор был снова вызван в Москву. Что здесь произошло, я не знаю. (Наша семья — отец, мать и я — уехали в СССР, в Кустанайскую область, не дождавшись возвращения архиепископа Виктора в Китай. Встретились с ним только в 1956 г., когда он вернулся в СССР уже навсегда.)

В 1954-1955 гг. шел интенсивный отъезд русских в СССР. И вот в это время архиепископ Виктор получает предписание Московской патриархии от 11 марта 1955 г., согласно которому после упразднения Российской духовной миссии в Китае и Восточно-Азиатского экзархата все имущество Миссии, где бы оно ни находилось в Китае, он должен передать Посольству СССР⁴⁵.

Через полгода после этого предписания в августе 1955 г. в Пекине появилась обещанная еще в 1949 г. делегация Московской патриархии в составе Иллариона, епископа Мукачевского и Ужгородского, и протоиерея Николая Наумова. Сохранилась памятная записка о пребывании делегации в Китае, написанная архиепископом Виктором сразу же после отъезда делегации в Москву (делегация уехала 30 октября 1950 г., этим же числом датирован и документ). Эта бесхитростная записка, подробно передающая все события, происшедшие за два с половиной месяца пребывания делегации в Китае, наверное, самая унижительная страница в истории Российской духовной миссии: имущество Миссии к этому времени уже было изъято, и с последним ее начальником можно уже было не церемониться. Показательна позиция советского посольства в КНР: *«Первый и официальный визит делегация наносит в Посольство СССР в КНР. Чрезвычайный и Полномочный Посол П.Ф. Юдин находится в Москве, принимает Управляющий Консульским отделом Посольства В.А. Жарков. Он очаровал всех своим ласковым вниманием и радушием, он обещает делегации оказывать всяческое содействие в разрешении всех вопросов, предложенных делегации к исполнению Московской Патриархией. К сожалению, консул В.А. Жарков почти в первые же дни пребывания делегации в Пекине получил отпуск и уехал на Родину»*⁴⁶. Но делегация должна была по заданию Патриархии встретиться с послом: *«В ожидании прибытия Чрезвычайного и Полномочного посла, у которого члены делегации согласно данному им поручения должны были иметь аудиенцию, они стали подробно знакомиться с жизнью Бэйгуаня...»*⁴⁷ Однако посла все не было и делегация отправилась в поездку по епархиям (Шанхай, Тяньцзынь, Харбин). *«По возвращении делегации в Бэйгуань стало известно, что из Москвы вернулся Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в КНР П.Ф. Юдин. После долгого отсутствия в Пекине он был очень занят и поручил принять Московскую Церковную делегацию и Патриаршего Экзарха Управляющему Консульским отделом Посольства и переговорить с делегатами и Экзархом по важнейшему для них вопросу о мнении Китайского Правительства по делу реорганизации Православной Церкви в КНР и передачи недвижимого церковного*

имущества Китайскому Правительству [подчеркнуто мной — К.К.]. На приеме консул сказал, что сначала нужно передать китайскому правительству имущество Миссии и Экзархата, что же касается реорганизации Православной Церкви в КНР, то это дело самого Китайского Правительства, и предложил делегации возвратиться в Москву и лично доложить кому это надлежит, то, что им было сказано»⁴⁸.

Комментарии к тексту излишни. Завершу тему визита делегации еще одной выдержкой из памятной записки архиепископа Виктора: «Накануне отъезда делегации в Москву, 29 октября, Экзарх Архиепископ Виктор был приглашен в Отдел Культур при Государственном Совете КНР. Его приняли весьма любезно, сказали, что с данного момента все назначения и перемещения священнослужителей Православной Церкви в Китае следует согласовывать с Отделом Культур и что отделы Культур в городах КНР будут заботливо относиться в отношении всех православных людей, проживающих в Китае».

Так было покончено с Российской духовной миссией в Китае. Так были преданы албазинцы.

Архиепископ Виктор «провел потом репатриацию русского православного духовенства на Родину и в мае месяце 1956 года выбыл в Москву»⁴⁹. С ним вместе в СССР прибыли: бессменный секретарь Миссии М.А. Успенский, монах Серафим (бывший полковник царской армии Сергей Климовских), монахиня Нонна (фамилии не знаю), матушка Панина (вдова священника о. Мефодия Панина), и семья моей сестры. На сегодня в живых осталась только моя сестра⁵⁰.

Архиепископ Виктор получил назначение в Краснодарскую епархию, где прожил ровно десять лет: в августе 1966 г. его не стало.

Жизнь в СССР для него не была легкой. Не вдаваясь в подробности (здесь для меня важно только то в его жизни, что связано с Российской духовной миссией), назову только два «внешних» фактора, определивших его мироощущение по приезде на Родину: 1) он приехал в СССР в 1956 г., в год XX съезда КПСС, и можно себе представить, какое впечатление произвели на него разоблачения Н.С. Хрущева; 2) десять лет его жизни в СССР совпали с волной гонений на церковь.

Не знаю, распространялось ли это на других священнослужителей в ту пору, но Архиепископ Виктор был лишен свободы передвижения по стране. Когда в 1959 г. я попала в беду в Ленинграде, он, посчитав своим долгом придти мне на помощь (мой отец к этому времени уже умер), должен был получить специальное разрешение Патриархии на поездку из Краснодара в Ленинград.

Если уж так дело обстояло с поездками по стране, то, конечно, ни о каких поездках за границу не могло быть и речи — за десять лет жизни в СССР он ни разу не выехал за его пределы.

Больше всего его мучило уничтожение Российской духовной миссии — это был крах его жизни. В Краснодар доходили слухи о том, что в Миссии уничтожены все храмы, все имеющее к ней отношение стерто с

лица земли — когда заходил об этом разговор, он менялся в лице и выходил из комнаты. Кошмаром последних лет его жизни стала судьба албазинцев: я не знаю, каким образом (он на дом не получал никакой корреспонденции, вся его почта шла на Епархиальное управление в Краснодаре), но ему были известны даже подробности убийства албазинских священников. Сказать, что он переживал — это значит ничего не сказать. Это была незаживающая рана. Албазинцы — это ведь его паства, дети. Он их крестил, женил, выдавал замуж, хоронил. Всех называл ласкательными именами. И вот эти дети погибали. Он обращался в духовные и светские организации, что само по себе в те годы было героизмом, проявлением бесстрашия.

В 1963 г., прочитав в 6-м номере «Журнала Московской Патриархии» статью М. Добрынина «50-летие епископского служения Святейшего патриарха Алексия», в которой при описании принятия духовенства и паствы Русской Православной церкви на Дальнем Востоке в церковное каноническое общение с Московской Патриархией ни слова не было сказано о Российской духовной миссии в Китае, он не выдерживает и пишет письмо митрополиту Никодиму, в ту пору председателю Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии, в котором пытается восстановить истину. Но в ответ он получил формальную отписку⁵¹.

После этого письма жить митрополиту Виктору осталось менее трех лет и за эти годы журнал Московской Патриархии не напечатал ни строчки ни о нем⁵², ни тем более о Российской духовной миссии в Китае и о ее роли в деле воссоединения с Патриаршей Церковью. Его имя появилось в этом журнале только в связи с его смертью⁵³.

Обстоятельства его смерти всегда вызывали недоумение у его сестры Ольги. Она была с ним в Краснодаре в тот месяц, что предшествовал его смерти. Когда он заболел, к нему не был вызван, на чем настаивала его сестра, врач М., лечивший его все десять лет в Краснодаре, а был приглашен новый врач (кстати, после смерти митрополита Виктора он подошел к его сестре и сказал: «Я не виноват»). Сразу после смерти Владыки врач в больнице назвала диагноз «уремия», тогда как в официальном некрологе причиной смерти указан инфаркт легких. Следует, однако, отметить, что никто из родственников не видел свидетельства о смерти вообще.

Однажды еще при жизни Владыки Виктора члены его семьи слышали, как его телохранитель В.М. сказал ему: «Не буду же я доносить на Вас», — однако никто не понял, что имеется в виду. Он безусловно был запуган: был уверен, что телефон его прослушивается, боялся одного из сторожей в архиерейском доме. Факт его запуганности был подтвержден через много лет Владыкой Филаретом (в ту пору епископом или архиепископом Киевским), летевшим в одном самолете с одним из моих сотрудников и разговорившимся с ним о митрополите Викторе.

Более всего поражало сестру митрополита то, что в последний месяц его жизни все оставили его — даже упомянутый выше телохранитель В.М.

не приходил. Когда Владыка Виктор умер в больнице, его сестра не могла получить машину, чтобы вывезти его тело в морг, и вынуждена была позвонить уполномоченному по церковным делам в обком партии. А ведь умер митрополит Краснодарский и Кубанский.

Не берусь категорически судить о причинах его смерти, но все же рискну сделать некоторые предположения. Когда Владыке Виктору стало ясно, что вокруг Российской духовной миссии в Китае существует заговор молчания (заодно ли тут действовали церковные и светские власти?), он попытался восстановить истину. Думаю, что это было большой неожиданностью — запуганный, мягкий, доверчивый старик, боящийся за судьбы своих близких, проявил незаурядное мужество, подняв голос в защиту своей чести. Было ли письмо митрополиту Никодиму его первым и единственным шагом в этом направлении — не знаю. Думаю, что и этого было достаточно.

Почему именно 1966 г. стал годом его смерти, причем почти одновременно с ним в США неожиданно умирает епископ Иоанн, бывший епископ Шанхайский? Не пытался ли он в этот кровавый год китайской культурной революции придти на помощь албазинцам и для этой цели вступить в контакт с зарубежной церковью? В этом случае понятны слова телохранителя «Не буду же я доносить на Вас».

Умер Владыка Виктор, последний начальник Российской духовной миссии в Китае; умер Владыка Иоанн, бывший епископ Шанхайский, умер знавший историю последних лет Миссии митрополит Никодим (общеизвестны обстоятельства его смерти в Ватикане); в 1960 г. в возрасте 49 лет умер Архиепископ Краснодарский и Кубанский Гермоген, с которым Владыка Виктор был знаком с 1956 г., когда тот еще не был монахом, а звался просто Гришей Ореховым, умер Петр Толкачев, муж моей сестры, приехавший вместе с Владыкой Виктором из Китая, знавший дела Миссии и работавший переводчиком во время визита китайской церковной делегации в Москву в конце 1950-х гг. уже после возвращения Владыки Виктора на Родину..

Мертвые срама не имут — это так, и Владыке Виктору ничего уже более не нужно. Но это нужно нам, живым, тем, кто знал и любил его, кого он согрел теплом своего сердца: пусть и после его смерти, мы должны вырвать его из цепких объятий клеветы и лжи, вернуть ему его доброе имя, разрушить заговор молчания вокруг Миссии и полностью восстановить эту страницу в истории Русской Православной церкви.

Кроме нас — тех, кто знал его, — это никто не сделает.

Примечания

1. Петров В.П. Российская Духовная Миссия в Китае. Вашингтон: Изд. Русского книжного дела в США., 1968.

2. История, напоминающая сюжет повести Б. Пильняка «Повесть непогашенной луны».

3. Петров В.П. Ук. соч. С. 3.

4. Епископ Виктор. По случаю 250-летнего юбилея Российской Духовной Миссии в Китае // Китайский благовестник: 1685-1936: Юбилейный сб., посвященный 250-летию со дня основания Православной Духовной Миссии в Китае. Пекин, 1935. С. 25-32.
5. Архиепископ Мелетий. Великий путь Пекинской Духовной Миссии // Там же. С. 46.
6. Богатилов Г. М. Бэй-гуань // Китайский благовестник. 1947. Август-сентябрь. С. 36.
7. Российская Духовная Миссия в Китае: 1685-1935. Б.м., б. г., С.7.
8. Епископ Виктор. Ук. соч. С. 29.
9. Российская Духовная Миссия в Китае. ... С. 7.
10. Там же. С. 8.
11. Современное положение Миссии // Китайский благовестник:1685-1935... С. 114.
12. Там же.
13. Мой отец никогда не рассказывал мне об этом. Впервые я узнала об этом в 1985 г. от В.С. Старикова, доктора исторических наук, сотрудника Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР, который считал, что мой отец рисковал как своей жизнью, так и жизнью членов своей семьи, выполняя это поручение архиепископа Виктора.
14. Распоряжения Святейшего Алексия, Патриарха Московского и всея Руси // Китайский благовестник. 1946. Ноябрь. С. 1.
15. На приеме в Генеральном консульстве СССР в Шанхае // Там же. Последняя страница вкладки между с. 12 и 13.
16. Митрополит Анастасий (Грибановский) эмигрировал за границу вместе с митрополитом Антонием (Храповицким) и после смерти последнего стал во главе Архиерейского Синода.
17. Наумов В.М. Мои воспоминания. Сан Франциско, 1975. С. 72-73.
18. Арест Начальника Российской Духовной миссии в Китае // Китайский благовестник. 1947. Январь. С. 9-12.
19. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию Патриарху Московскому и всея Руси Начальника Российской Духовной Миссии в Китае Архиепископа Виктора за № 266 от 20 ноября 1949 г. С. 16.
20. Там же. С. 15-16.
21. Прот. Д. Успенский. Стоящим на распутье... // Китайский благовестник. 1947. Январь. С. 26-29. См. также: Струве М. Православие в Москве и Ленинграде (от парижского корреспондента газеты «Новости дня») // Там же. С. 19-20.
22. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию... за № 266 от 20 ноября 1949 г. С. 39.
23. Моложатова.И.М. Российская Духовная Миссия в Китае: Краткий исторический очерк // Китайский благовестник. 1946. Ноябрь. С. 22.
24. Рапорт Его Святейшесвуу Святейшему Алексию... за № 266 от 20 ноября 1949 г. С. 1.

25. Там же. С. 3
26. Там же. С. 3-4.
27. Там же. С. 6-7.
28. Архиепископ Виктор. На Родине // Китайский благовестник. 1951. №1. С. 36-37.
29. Там же. С. 36.
30. Там же.
31. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию Патриарху Московскому и всея Руси Патриаршего Экзарха в Восточной Азии и Начальника Российской Духовной миссии в Китайской Народной республике Архиепископа Виктора за № 31 от 9 февраля 1952 г. С. 2.
32. Указ Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Начальнику Русской Духовной Миссии в Китае, Архиепископу Пекинскому и Китайскому Виктору в заседании Священного Синода под председательством Патриарха 17 августа 1950 г. // Китайский благовестник. 1951. № 1. С. 8.
33. Там же. С. 7. Для точности следует все же отметить, что Миссия могла именоваться «Пекинской Духовной Миссией» (см. сноску 5, где приведено название статьи Архиепископа Мелетия), но никогда не называлась «Миссией в Пекине».
34. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию... за №31 от 9 февраля 1952 г. С. 39.
35. Там же. С. 43.
36. Указ № 4 по Восточно-Азиатскому Экзархату Московской Патриархии от 15 декабря 1950 г. // Китайский благовестник. 1951. № 1. С. 16.
37. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию... за № 31 от 9 февраля 1952 г. С. 42.
38. Там же. С. 47.
39. Там же. С. 51.
40. Там же. С. 2.
41. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию... за № 266 от 20 ноября 1949 г. С. 35-36.
42. Рапорт Его Святейшеству Святейшему Алексию... за № 31 от 9 февраля 1952 г. С. 41.
43. Там же. С. 40.
44. Рукоположения и утверждения Высокопреосвященнейшим Виктором, Архиепископом Китайским и Пекинским, Начальником Российской Духовной Миссии в Китае // Китайский благовестник. 1951. № 1. С. 17-18.
45. Письмо Митрополита Виктора, Преосвященнейшему Никодиму... от 17 сентября 1963 г.
46. Архиепископ Виктор. Памятка о пребывании московской церковной делегации в Пекине и других городах КНР. 30 октября 1955 г. С. 3.
47. Там же. С. 4.
48. Там же. С. 8.

49. Митрополит Виктор. Письмо Преосвященнейшему Никодиму.. от 17 сентября 1963 г.

50. Марина Борисовна Толкачева (Кепинг) скоропостижно скончалась в московской больнице 13 января 2003 г., ровно через месяц после смерти своей сестры Ксении. *(Примеч. сост.)*

51. Письмо Митрополита Никодима, члена Священного Синода, Председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии за № 1573 от 25 октября 1963г., адресованное Митрополиту Краснодарскому и Кубанскому Виктору.

52. На август 2003 г. в разделе «История епархии» официального электронного сайта Краснодарской епархии отсутствовало даже упоминание о митрополите Викторе, десять лет ее возглавлявшем. Однако верующие Краснодара не забыли своего архипастыря. См. статью Е.С. Дьяченко в газете «Православный голос Кубани» (2002. 8-9). Появление этой статьи явилось приятной неожиданностью для Ксении Борисовны и буквально озарило последние недели ее жизни. В тоже время статья побудила ее написать письмо Патриарху Алексию II (см. Часть III), на которое она, к сожалению, ответа не получила. *(Примеч. сост.)*

53. Прот. Н. Гетман. Митрополит Краснодарский и Кубанский Виктор (Некролог). //Журнал Московской Патриархии. 1966. № 11. С. 16-19. Просмотр содержания Журнала за 1956-1966 гг., показывает, что о Краснодарской епархии практически ничего не говорится.

Владыка Виктор отправляет Бориса Михайловича Кепинга в советское посольство. Бейгуань. Пекин. 1944 г.
